

— Почему вы не хотите раскрывать своё настоящее имя? — спросили у молодого человека.

Юноша ответил с непоколебимой убеждённостью:

— Пропагандирую дух Лэй Фэна.

— Тогда как нам к вам обращаться? — тактично поинтересовался интервьюер.

— Можешь на «ты», — сказал Линь Цюн.

Интервьюер: «...»

Линь Цюн, жуя лепёшку, смотрел в камеру.

— Нам сказали, что районная администрация хотела вручить вам денежную премию за проявленную доблесть, но вы отказались. Почему? — продолжил расспросы журналист.

— Не хотел брать, — честно ответил Линь Цюн.

Премия составляла десять тысяч юаней — сумму, от которой редко кто отказывается. Взглянув на парня, набившего рот лепёшкой, интервьюер подумал, что этот, видимо, не из робкого десятка.

— То есть вы презираете деньги, как прах? — осторожно предположил журналист.

Линь Цюн покачал головой.

— Думаете, что добрые дела не нужно вознаграждать? — спросил интервьюер.

Линь Цюн, всё ещё набив щёки лепёшкой, снова покачал головой.

— Тогда в чём причина?

Линь Цюн широко ухмыльнулся:

— У меня и так денег куры не клюют.

«...»

Чёрт, как же это по-хамски.

Журналист взял себя в руки и продолжил:

— Преступник был с ножом. Разве вам не было страшно бросаться на него?

— Конечно, было, — ответил Линь Цюн.

— Тогда почему вы, не раздумывая, бросились вперёд?

Линь Цюн взглянул на тележку с лепёшками у обочины, затем с лёгким недоумением посмотрел на интервьюера:

— Потому что кто-то кричал о помощи.

— Но почему вы сразу не вызвали полицию, а решили спасти сами?

Журналист смотрел на молодого человека, давая ему возможность блеснуть благородством.

В следующую секунду парень смущённо почесал затылок:

— Телефона с собой не было.

«...»

— А вы не думали о том, что вдруг не справитесь с преступником?

Линь Цюн ткнул пальцем в свою голову:

— Конечно думал. Я человек, который всегда оставляет себе путь к отступлению.

Интервьюер наконец оживился:

— И что же вы тогда решили?

— Если бы не справился... — Линь Цюн озарил его ослепительной улыбкой, — то тоже стал звать на помощь.

«...»

Затем молодой человек взглянул на время, его жующие движения резко остановились:

— Мне пора домой.

С этими словами он поднялся, собираясь уйти.

Интервьюер поспешил за ним:

— Давайте ещё пару вопросов!

Но тот лишь покачал головой:

— Уже поздно.

— Вас кто-то ждёт?

Линь Цюн кивнул.

— Девушка?

— Гидромассажная ванна.

«...»

Вежливо попрощавшись, молодой человек исчез, и видео резко оборвалось.

Ван Чэн, сидевший в автобусе и превратившийся в каменное изваяние: «...»

Чёрт возьми!

Да это же Линь Цюнь! Это, блин, точно Линь Цюнь!

Сойдя с автобуса, Ван Чэн тут же набрал номер.

Линь Цюнь, всё ещё сонный, в полудрёме поднял трубку.

— Линь Цюнь!

От внезапной боли в ухе (видимо, голос Ван Чэна был настолько громким) Линь Цюнь сонно приподнял голову и сел на кровати.

— Что такое?

— Ты вчера правда совершил геройский поступок?

— Да, — ответил Линь Цюнь.

— Почему я ничего не знал?!

Голос Линь Цюня прозвучал невинно:

— Я тебе говорил, но ты не поверил.

Затем он глубоко вдохнул:

— Ты знаешь, что сейчас в интернете повсюду твоё видео?

Линь Цюнь нахмурился:

— Какое видео?

— Твоё интервью.

Линь Цюнь недоуменно переспросил:

— Но ведь меня замазали мозаикой. Как ты узнал?

Ван Чэн равнодушно ответил:

— Да, замазали. Но не твоё лицо.

Линь Цюнь вдруг застыл:

— А мою лепёшку?

— Тоже нет.

«...»

Ван Чэн неожиданно продолжил:

— Линь Цюнь, не думал, что в тебе есть такая отзывчивость. Раньше я тебя недооценивал.

После этих запоздалых откровений Линь Цюн окончательно проснулся. Он потёр лицо, поднялся с кровати и собрался в аптеку за маслом для растирания — нужно было разогнать синяки на боках.

Спустившись вниз, он столкнулся с Фу Синьюнем, который как раз заваривал кофе.

Мужчина бросил на него взгляд:

— Куда это ты?

Линь Цюн ответил не задумываясь:

— В аптеку.

Фу Синьюнь:

— В домашней аптечке есть лекарства.

Линь Цюн, уже надевая обувь в прихожей:

— Пойду куплю масло для растирания.

С этими словами он вышел за дверь и вскоре вернулся с пакетиком, из которого торчал флакон с заветным маслом.

Фу Синьюнь бросил взгляд на покупку:

— Зачем тебе масло?

Линь Цюн:

— Ну... использовать.

Руки Фу Синьюня с кофейной чашкой замерли:

— Ты травмировался?

Линь Цюн кивнул.

— Когда это случилось?

— Вчера вечером.

Брови Фу Синьюня сдвинулись:

— Почему ты мне ничего не сказал?

Линь Цюн сделал невинное лицо и пробормотал себе под нос:

— Говорил. Ты не поверил.

Фу Синьюнь: ?

Линь Цюнь бросил на него обиженный взгляд:

— Я вчера совершил геройский поступок.

«...»

Фу Синьюнь глубоко вдохнул — он и представить не мог, что вчерашние слова парня оказались правдой.

Слегка смущённо покашляв, он спросил:

— Где именно у тебя травма?

Линь Цюнь похлопал себя по животу.

Фу Синьюнь на мгновение замер:

— Так значит, вчера ты держался за живот потому что...

Линь Цюнь удивился:

— А, нет, не поэтому.

— Тогда зачем?

— Объелся.

«...»

Мужчина поставил чашку на стол:

— Подними рубашку, дай посмотреть.

От такой прямой просьбы Линь Цюнь вдруг застеснялся.

Но в конце концов послушно приподнял одежду. Видимо, из-за того, что синяк оставался без внимания всю ночь, на бледной коже живота особенно выделялось тёмно-фиолетовое, почти чёрное пятно.

Фу Синьюнь нахмурился, увидев это:

— Где масло?

Линь Цюнь потряс аптечной сумкой.

— Дай сюда.

Линь Цюнь удивился:

— Ты... сам намажешь?

Неожиданно обнаружив, что этот безумный тиран способен на такие человеческие поступки.

Мужчина молча смотрел на него — ответ был очевиден.

Линь Цюн замахал руками:

— Да я сам справлюсь!

Фу Синьюнь повторил:

— Дай.

Линь Цюн: мимикрия испуганного котёнка

Ну и зачем так свирепо...

Он протянул флакон с маслом.

— Ложись на диван.

Линь Цюн застыл на диване, превратив мягкую мебель в подобие морга.

Наблюдая, как мужчина наливает масло на ладонь, он робко пробормотал:

— Можно... полегче?

Фу Синьюнь поднял на него взгляд.

Линь Цюн:

— Я очень хрупкий.

«...»

В следующее мгновение он почувствовал холодное прикосновение к животу.

— Ай-яй-яй!!!

Пять минут спустя Линь Цюн лежал на диване с потухшим взглядом, на глазах выступили слёзы.

Большая часть гематомы на животе уже была разогнана. Увидев, что мужчина снова наливает масло на ладонь, Линь Цюн дёрнулся и тут же попытался сбежать. Однако в следующий момент его схватили и снова уложили на диван.

Линь Цюн свернулся калачиком, на лбу выступила испарина от боли:

— Всё, хватит.

Фу Синьюнь посмотрел на него и твёрдо сказал:

— Ещё не всё разогнано.

— Пусть остаётся, — вздохнул Линь Цюн. — В жизни всегда должны быть недостижимые идеалы.

Фу Синьюнь: «...»

— Ложись.

Линь Цюн, укутавшись в одежду, выглядел словно деревенская девица, которую пытается соблазнить местный хулиган.

— Не хочу!

Мужчина повторил жестче:

— Ложись.

Линь Цюн вздрогнул. Привыкнув к их обычным шутливым перепалкам, он иногда забывал, что перед ним — настоящий опасный человек.

Под леденящим взглядом Фу Синьюня он втянул голову в плечи и покорно вытянулся на диване.

Когда рука мужчины вновь приблизилась к его животу, Линь Цюн вдруг схватил его за запястье.

— П-полегче... — прошептал он, сглотнув.

Но Фу Синьюнь не сбавил силу, лишь язвительно заметил:

— Теперь понял, что больно?

По спине Линь Цюна пробежали мурашки. От боли его губы дрожали.

Чёрт! Да он вообще человек?!

Фу Синьюнь равнодушно наблюдал за его мучениями.

— Раз боишься боли — в следующий раз не лезь.

Ещё одно сильное нажатие — и стройная талия дёрнулась.

— Героев хватает и без тебя. Не твоя забота — спасти всех подряд. — Он пресек попытку увернуться, вновь надавив на синяк. — Думай сначала о себе.

Линь Цюн сжал зубы, не в силах выдавить ни звука.

Фу Синьюнь разглядывал синяк на его талии, тёмные зрачки непроницаемо глубокие.

Воспоминание

Тот пожар бушевал, как адское пламя, сливаясь с ночным небом. Удушливый чёрный дым висел в воздухе, словно грозовая туча — один взгляд вызывал ощущение подавленности. Всё вокруг пропахло гарью и тлением.

Из охваченного огнём дома доносились детские рыдания:

— Мама! Где ты?! Помогите! Кто-нибудь, помогите!!!

Надрывный плач ребёнка заставил мужчину, уже бегущего к выходу, резко остановиться.

Одна секунда... Две...

— Чёрт возьми! — сквозь зубы выругался он и развернулся, устремившись сквозь толпу спасающихся обратно в пылающее здание.

Огонь, словно цепи адских демонов, расползлся повсюду. В мгновение ока чудовищное пламя прорвало крышу, яростно взметнувшись к небу.

Перед самым выходом с ребёнком на руках — страшный грохот. Огромная балка рухнула, придавив мужчину. Алая кровь смешалась с сажей... Сознание угасло. Навсегда.

Конец воспоминания

Фу Синьюнь наблюдал, как Линь Цюн корчится от боли, но давление его пальцев не ослабло ни на йоту.

— Ты слышал меня? Чужие проблемы — не твои заботы. Впредь поменьше встречай.

Лицо Линь Цюна побелело от боли.

Спустя долгие муки он наконец выдавил:

— Бо-ольно...

И потянулся, чтобы оттолкнуть сжимающую его талию руку.

Ладонь Фу Синьюня, всё ещё мертвой хваткой впившаяся в бледную кожу, ощущала исходящее от тела тепло.

— Не полезь тогда — не болело бы сейчас.

Он столько ночей проклинал тот момент... Проклинал себя за то, что развернулся тогда в огне. За спасение этого всхлипывающего ребёнка.

Если бы можно было вернуть время... Если бы...

Его пальцы неосознанно впились в кожу сильнее.

Он ни за что...

— Да ты охренел?! — внезапный матерный вопль прервал его мысли.

Не успел Фу Синьюнь опомниться, как раздался оглушительный БАМ! — лоб внезапно пронзила острая боль.

Линь Цюн, с соплями, вытекшими от боли, сидел, надувшись, как обиженный тигрёнок:

— БОЛЬНО, блядь! Я ЖЕ СКАЗАЛ — БОЛЬНО!!!

Мужчина замер, прикрывая лоб — явно не ожидал такого поворота.

Линь Цюн уже всюду размазывал слёзы по лицу.

Чёртов ублюдок! Он же сказал, что больно — а тот даже не остановился!

В ярости Линь Цюн перебрался с дивана прямо на колени к Фу Синьюню, схватил его лицо обеими руками и принялся мять, как тесто:

— Больно! Больно, блядь! Я же сказал — БОЛЬНО!!!

Фу Синьюнь смотрел на него с шоком:

— Ты...

— Что уставился?! Я твой папка*! — взвизгнул Линь Цюн.

Авторские заметки:

Линь Цюн: Надеюсь, я больше никогда не увижу, как он наливает это масло.

Фу Синьюнь: Не дождёшься.

* Я твой папка! — в оригинале используется грубое буквально "я твой отец" - в китайском интернет-сленге это популярное оскорбление, подразумевающее унижительное превосходство.

<http://bllate.org/book/12640/1121119>